

ПЕРЕВОДЫ

Гарольд Гарфинкель

Рациональные свойства научных и обыденных действий*

Программа социологии как дисциплины требует от социолога научного описания мира, которое включает в качестве проблематических феноменов не только действия другого человека, но и знания другого человека о мире. В результате социолог не может избежать принятия *некоторого* рабочего решения по поводу совокупности различных феноменов, подразумеваемых под термином «рациональность».

Обычно социологи-исследователи принимают это решение путем выбора одной или более характеристик среди свойств научной деятельности, ее идеального описания и понимания¹. Это определение затем используется методологически, чтобы помочь исследователю при определении как реалистических, так и патологических, склонных к предубеждению, обманчивых, мифических, магических, ритуальных и тому подобных свойств каждодневного поведения, мышления и верований.

Но поскольку социологи с неизменной частотой обнаруживают, что имеют место эффективные, устойчивые и стабильные действия и общественные структуры, несмотря на очевидные несоответствия между знанием и методами непрофессионала и идеального ученого, они нашли, что рациональные свойства, которые были бы эмпирически различимы по их определениям, совершенно неинтересны. Они предпочитают вместо этого изучать свойства и условия отсутствия рациональности в человеческом поведении. В результате в большинстве имеющихся теорий социального действия и социальных структур рациональным действиям присваивается остаточный статус.

В данной работе мы, в надежде скорректировать эту тенденцию, ставим целью избавиться от этого остаточного статуса, заново вводя в качестве задачи эмпирического исследования а) различные рациональные свойства поведения, а также б) условия социальной системы, при которой различные рациональные свойства поведения имеют место.

Рациональные свойства поведения

«Рациональность» использовалась для обозначения множества различных способов поведения. Список таких способов можно создать, не совершая теоретический выбор того или другого определения термина «рациональность». В классической работе Альфреда Шюца по проблеме рациональности² приводится набор значений «рациональность» и является тем самым нашей отправной точкой.

* *Garold Garfinkel*. Studies in Ethnomethodology. Prentice Hall Inc., New Jersey, 1967. Chapter 8. The rational properties of scientific and common sense activities

Перевод главы 2. См. «Социологическое обозрение». 2002. №1. Т.2, главы 3. См. «Социологическое обозрение». 2003. №1. Т. 3.

© Центр фундаментальной социологии, 2003.

© Турчанинова Ю.И., Гусинский Э.Н., 2003.

¹ Одно из определений, пользующихся сейчас успехом, известно как правило эмпирически адекватных средств. Действия человека понимаются исследователем как шаги при выполнении задач, возможные и реальные исполнения которых определяются эмпирически. Эмпирическая адекватность затем определяется в понятиях правила научной процедуры и свойств знания, производимого такой процедурой.

² Alfred Schutz, "The Problem of Rationality in the Social World," *Economics*, Vol. 10, May 1953.

Если принять различные смыслы понятия, учтенные Шюцем, за описания поведения, то получается следующий список. В оставшейся части работы эти виды поведения будем называть «рациональными».

1) *Категоризация и сравнение*. Для человека является обычным искать в своем прежнем опыте ситуацию для сравнения с той, с которой он сталкивается. Иногда рациональность относится к самому тому *факту*, что человек ищет сравнимые ситуации, а иногда – к *стремлению* сделать вещи сравнимыми. Сказать, что человек обращается к задачам сравнения, значит сказать, что он рассматривает ситуацию или человека (или проблему) как типичный случай. Тем самым понятие «степени рациональности» указывает на экстенсивность занятий классификацией, частоту этой деятельности, успех его занятий этой деятельностью; такого рода поведения зачастую и имеют в виду, когда говорят, что действия одного лица более рациональны, чем действия другого.

2) *Допустимая ошибка*. Человек может «требовать» различия степеней «счастливого совпадения» между наблюдением и теорией, в понятиях которой он именуется, измеряет, описывает или как-то придает смысл «данных» своему наблюдению. Он может уделять мало или много внимания степени совпадения. В одном случае он позволит описать происшедшее литературной аллюзией. В другом случае он будет искать математическую модель для упорядочения происходящего. В таком случае иногда говорят, что один человек рационален, а другой нет (или в меньшей степени рационален), подразумевая под этим, что данный человек уделяет больше внимания, чем его сосед, степени совпадения между наблюдаемым и тем, что собирался обнаружить.

3) *Поиск «средств»*. Под рациональностью иногда подразумевают, что человек применяет правила процедуры, которая в прошлом давала практический успех, к сегодняшним действиям. Иногда это сам факт переноса правил действий, которые приносили результат в ситуациях схожего типа; иногда это частота таких попыток; в других случаях рациональный характер его действий видят в способности и склонности человека использовать в сегодняшней ситуации методы, которые срабатывали в других ситуациях.

4) *Анализ альтернатив и следствий*. Зачастую термин «рациональность» используется, чтобы привлечь внимание к тому факту, что человек при оценке ситуации предвосхищает те изменения, которые могут произвести его действия. Имеется в виду не только сам факт «репетиции в воображении» различных ходов действия, могущих произойти, но осторожность, внимание, время и продуманность анализа по отношению к альтернативным ходам действий. Число альтернативных линий действий-которые-будут-завершены, ясность, степень детализации, живость, объем информации, которые наполняют схематику конкурирующих линий действий, — все это подразумевается, когда действия человека называются «рациональными».

5) *Стратегия*. Прежде реального события выбора человек может приписать конкретному набору альтернативных ходов действия те условия, при которых им нужно следовать. Фон Найман и Моргенштерн назвали набор таких решений стратегией игрока³. Набор таких решений может быть назван стратегическим характером ожиданий действующего. Про человека, который действует исходя из того, что завтрашние обстоятельства будут схожи с прошлыми, иногда говорят, что он действует с меньшей рациональностью, чем тот, который учитывает возможные альтернативные будущие состояния текущей ситуации и использует руководства типа «что-делать-в-таком-случае».

6) *Учет временного параметра*. Когда мы говорим, что человек собирается в результате определенного поведения реализовать будущее состояние дел, мы имеем в виду, что таким образом этот человек предполагает своего рода расписание событий. Учет временного параметра включает и оценку позиции по отношению к возможным путям этого развития. Определенное и ограниченное во времени расписание возможностей

³ John von Neumann и Oskar Morgenstern, *Theory of Games u Economic Behavior* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1947), p. 79.

рассматривается как «меньшая рациональность», чем та, при которой человек ориентируется на такое развитие событий в будущем, когда «все может случиться».

7) *Предсказуемость*. Очень конкретные ожидания от временного планирования могут сопровождаться учетом предсказуемых характеристик ситуации. Человек может искать предварительную информацию о ситуации, чтобы установить некоторые эмпирические константы, или он может пытаться сделать ситуацию предсказуемой, изучая логические свойства построений, которые он использует «при определении» или при пересмотре правил, управляющих использованием его построений. Соответственно, превращение ситуации в предсказуемую означает принятие всех возможных мер для уменьшения «эффекта неожиданности». Как само желание «уменьшения неожиданности», так и использование всех мер для получения такого результата часто является поведенчески подразумеваемыми условиями рациональности.

8) *Процедурные правила*. Иногда рациональность относится к правилам процедуры и выводов, в понятиях которых человек определяет правильность своих суждений, заключений, восприятий и характеристик. Такие правила находят путем определения чего-то как *известного* — различия, например, между фактом, предположением, свидетельством, иллюстрацией и догадкой. Для наших целей можно выделить два важных класса таких правил верного решения: «картезианские» правила и «племенные» правила. Картезианские правила предлагают считать решение верным, если человек следовал правилам, невзирая на лица, *то есть* принимал решения «как бы это сделал любой», когда все вопросы социальной принадлежности рассматриваются как специфически нерелевантные. Наоборот, «племенные» правила диктуют правильность решения с учетом определенных общественных договоренностей как условий решения. Человек считает свое решение правильным или не правильным в соответствии с тем, какая референтная группа требует согласования.

Термин «рациональность» часто используется как ссылка на применение декартовых правил решения. Поскольку конвенции могут налагать ограничения на такое принятие решений, то степень, в которой эти ограничения подавляются, контролируются или сделаны неэффективными и нерелевантными, является еще одним зачастую используемым смыслом, придаваемым рациональности.

9) *Выбор*. Тот факт, что человек знает о фактической возможности осуществления выбора и осуществляет его, также является распространенным смыслом рациональности.

10) *Основания выбора*. Основания, на которых человек осуществляет выбор между альтернативами, а также основания, используемые для легитимации выбора, часто указывают как рациональные свойства действия. Следует различать несколько разных поведенческих значений термина «основания».

а) Рациональные основания иногда относятся исключительно к научному термину информации как к набору утверждений⁴, которые рассматриваются человеком как правильные основания для будущих заключений и действий.

б) Рациональные основания иногда относятся к таким свойствам человеческого знания, как «прекрасная» или «объемная» структура используемых им характеристик, или к тому факту, состоит ли его «набор» из историй в противовес универсальным эмпирическим законам, или к степени, до которой материалы кодифицируются, или к согласованности используемого корпуса с корпусом научных утверждений.

в) Поскольку основаниями выбора являются стратегии действия (как было отмечено в пункте 5), постольку имеет место другой смысл понятия рациональности.

г) Основаниями человеческого выбора могут служить те, которые он буквально *находит* посредством ретроспективной интерпретации текущего результата. Например, он может осознать наличие оснований в ходе историзации результата в попытке определить, что было «реально» решено прежде. Тем самым если текущие данные рассматриваются как

⁴ Концепция *свода* знания взята из Felix Kaufmann, *Methodology of the Social Sciences* (New York: Oxford University Press, 1944), особенно стр. 33-66.

ответ-на-какой-то-вопрос, то они могут мотивировать вопрос, ответом на который они являются. Выбор, упорядочение и унификация исторического контекста действия после его совершения (для представления социально приемлемого или связного его описания) является вполне известным значением понятия «рационализации».

11) *Совместимость взаимоотношений «цель-средства» с принципами формальной логики.* Человек может рассматривать предполагаемый ход действия как набор шагов в решении проблемы. Он может упорядочить эти шаги как набор взаимоотношений целей-средств, но считать проблему решенной, только если эти взаимоотношения обеспечиваются без нарушения идеала полной совместимости с принципами формальной научной логики и правилами научной процедуры⁵. Сам факт, что он может так делать, частота, с которой он это делает, его упорство в обращении с проблемами таким образом или его успех в следовании такой процедуре – это альтернативные пути указания рациональности его действий.

12) *Семантическая ясность и отчетливость.* Попытка человека обращаться с семантической ясностью конструкции как с переменной с максимальным значением, которое может быть аппроксимировано, зачастую рассматривается как требуемый шаг при решении проблемы конструирования правдоподобного определения ситуации. Человека, который отказывается поверить до тех пор, пока не выполнены условия приближения к максимальному значению, часто считают более рациональным, чем того, кто верит в тайну.

Человек может придавать большое значение задачам прояснения конструкций, которые составляют определение ситуации и определяют совместимость таких конструкций со смыслом, заложенным в используемых другими терминологиях. С другой стороны, он может обращать на такие задачи мало внимания. Иногда говорят, что первый человек проявляет больше рациональности, чем второй.

13) *Ясность и отчетливость «ради ясности и отчетливости».* Шюц указывает, что интерес к ясности и отчетливости может быть адекватным для целей данного человека. Различные возможные взаимоотношения, идеальные или реальные, между а) интересом к ясности и б) целями, которым служит ясность конструкции, демонстрируют дополнительные поведенческие значения рациональности. Используются две переменные: 1) внимание, требуемое для задач прояснения, и 2) значение, придаваемое человеком выполнению данного проекта. Одна взаимосвязь между этими переменными делает саму задачу прояснения проектом, требующим завершения. Этот и есть «прояснение как таковое». Но взаимосвязь между двумя переменными можно рассматривать как состоящую в некоторой степени из независимой переменности. Такая взаимосвязь подразумевалась бы, когда в качестве идеала рассматривалось бы «прояснение, достаточное для текущих целей». Рациональность часто означает высокую степень зависимости одного от другого. Такая зависимость (рассматриваемая как правило исследовательского или интерпретативного поведения) иногда подразумевается в различии между «чистыми» и «прикладными» исследованиями.

14) *Совместимость определения ситуации с научным знанием.* Человек может допускать, чтобы то, что он рассматривает как «суть дела», критиковалось в понятиях ее совместимости с совокупностью научных результатов. В качестве описания действий человека «дозволенная легитимность такой критики» означает, что в случае продемонстрированного несоответствия то, что человек рассматривает как правильные основания для заключений и действий (смысл «факта»), будет изменено им, чтобы приспособить к тому, что имеет место с научной точки зрения. Часто говорят, что действия человека рациональны в той степени, в какой он приспособливает (готов приспособливать) то, что имеет место с научной точки зрения.

Зачастую рациональность отсылает к тем чувствам человека, которые сопровождают его поведение, *например*, «аффективная нейтральность», «отсутствие эмоций»,

⁵ Когда оно рассматривается как правило для определения описательной категории действия, это свойство известно как правило эмпирической адекватности средств.

«самостоятельность», «незаинтересованность», «безличный». Для теоретических задач этой работы тот факт, что человек может испытывать такие чувства к своей среде, не представляет интереса. Интересно, однако, то, что человек использует свои чувства относительно среды для того, чтобы наделить вещь, о которой он говорит, смыслом, или обосновать правомочность результата. Ничто не запрещает исследователю страстно надеяться на подтверждение его гипотезы. Ему запрещено, однако, использовать свою страстную надежду или свою эмоциональную отстраненность при наделении смыслом или подтверждении правомочности предложения. Про человека, который рассматривает свои чувства к предмету как нерелевантные к его смыслу или правомочности, иногда говорят, что он поступает рационально, а про человека, который придает смысл и правомочность, опираясь на свои чувства, говорят, что он действует менее рационально. Это справедливо, однако, только для идеально описанных научных действий.

Научная рациональность

Упомянутые модели рациональности можно использовать для конструирования определенного поведенческого типа. Можно представить себе человека, который способен⁶ отыскивать в текущей ситуации моменты, сравнимые с ситуацией, известной ему в прошлом, и искать в своем прошлом опыте формулы, дающие, как он теперь видит, практическое действие, необходимое ему сейчас. Решая эту задачу, он может обращать пристальное внимание на моменты сравнимости. Он может предвидеть последствия своих действий в соответствии с формулами, которые ему представлялись. Он может «проигрывать в воображении» различные конкурирующие линии действия. Он может присвоить каждой альтернативе (до реального момента выбора) условия, при которых надо следовать любой из этих альтернатив. Наряду с таким структурированием опыта человек может намереваться посредством своего поведения реализовать задуманный результат. Это намерение может заключать в себе его особое внимание к предсказуемым характеристикам ситуации, манипулировать которой он хочет. Его действия могут заключать в себе выбор между двумя или более средствами для достижения одних и тех же целей или выбор между целями. Он может определять правильность своего выбора, привлекая эмпирические законы и так далее.

Когда мы пытаемся расширить свойства этого типа поведения для включения в него всех предыдущих типов рациональностей, в этот список вмешивается различие между интересами повседневной жизни и научного теоретизирования. Когда действия человека управляются «установкой повседневной жизни», могут проявиться все типы рациональности за *четырьмя важными исключениями*. Сформулированные как идеальные максимы поведения, эти исключительные типы рациональности требуют, что ожидаемые шаги в решении проблемы или выполнении задачи, *то есть* «отношения средства-цели», будут создаваться таким образом, чтобы 1) они оставались полностью совместимыми с правилами, определяющими научно правильные решения в отношении грамматики и процедуры; 2) все элементы понимались с полной ясностью и отчетливостью; 3) прояснение как корпуса знаний, так и правил исследовательской и интерпретирующей процедуры рассматривались как самое важное дело и 4) задуманные шаги содержали только научно проверяемые предположения, которые должны быть полностью совместимы со всей совокупностью научного знания. Поведенческие корреляции этих максим были описаны ранее как рациональности (11) – (14). Для простоты ссылок я буду называть эти четыре типа рациональности «научными».

Краеугольным камнем этой работы и исследовательской программы, которая будет реализована, если ее аргументы правильны, является то, что *типы научной рациональности возникают как стабильные свойства действий и как общепринятые идеалы только в случае действий, управляемых установкой на научное теоретизирование. В отличие от этого,*

⁶ Слово «может» означает здесь «один из доступного числа альтернатив». Оно не означает схожесть.

действия, управляемые установкой повседневной жизни, особо отмечены отсутствием этих видов рациональности и как устойчивых свойств, и как общепринятых идеалов. В том, что касается действий и социальных структур, которые управляются предположениями повседневной жизни, любые попытки стабилизировать эти свойства или заставить придерживаться их путем систематического социального чередования наград и наказаний, являются операциями, требуемыми для умножения аналитических свойств взаимодействия. Однако все другие типы рациональности (1 – 10) могут иметь место в действиях, управляемых как установкой на стабильные свойства, так и на общепринятые идеалы. Этот существенный момент подробно обоснован в Таблице 1.

Предыдущие утверждения подразумеваются как эмпирические, а не как умозрительные. Реконструкция «проблемы рациональности»⁷, предложенная в этой работе, зависит от правомочности этих утверждений. Их проверка зависит от жизнеспособности различения между «установкой повседневной жизни» и «установкой научного теоретизирования». Необходимо, следовательно, кратко сопоставить различные предположения, которые составляют каждую установку. Когда это будет сделано, мы вернемся к главной теме обсуждения.

⁷ Для социолога-теоретика «проблема рациональности» может рассматриваться как состоящая из пяти задач: 1) прояснения различных референтов «рациональности» команды, что включает характеристику поведенческих коррелятов различных «смыслов» рациональности как (а) действия индивида, а также б) «системных» характеристик; 2) принятие на основе опытной проверки (а не выбора теории) решения о том, какие из поведенческих показателей сочетаются; 3) решение о распределении поведенческих показателей между статусом определения и эмпирически проблемным статусом, 4) определение оснований для оправдания любого из множества возможных местоположений, которые теоретик может в конце концов сделать; и, наконец, 5) демонстрация последствий альтернативных совокупностей решений для социологического теоретизирования и исследования.

Таблица 1

СОВОКУПНОСТЬ ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ, СВЯЗЫВАЮЩИХ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ С УСЛОВИЯМИ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

	Для всех действий, управляемых правилами соответствия повседневной жизни, может ли рациональность проявиться, ЕСЛИ:			Для всех действий, управляемых правилами соответствия научному теоретизированию, может ли рациональность проявиться, ЕСЛИ:		
	Считается идеальным стандартом действия?	Считается оперативным стандартом действия?	Считается свойством текущей практики?	Считается идеальным стандартом действия?	Считается оперативным стандартом действия?	Считается свойством текущей практики?
1. Категоризация и сопоставление	Да	Да	Да	Да	Да	Да
2. Допустимая ошибка	Да	Да	Да	Да	Да	Да
3. Поиск «средств»	Да	Да	Да	Да	Да	Да
4. Анализ альтернатив и следствий	Да	Да	Да	Да	Да	Да
5. Стратегия	Да	Да	Да	Да	Да	Да
6. Внимание к временной последовательности событий	Да	Да	Да	Да	Да	Да
7. Предсказуемость	Да	Да	Да	Да	Да	Да
8. Процедурные правила	Да	Да	Да	Да	Да	Да
9. Выбор	Да	Да	Да	Да	Да	Да
10. Основания выбора	Да	Да	Да	Да	Да	Да
11. Соответствие отношения «цели-средства» в формальной логике	Нет	Нет	Нет	Да	Да	Да
12. Семантическая ясность и отчетливость	Нет	Нет	Нет	Да	Да	Да
13. Ясность и отчетливость как таковые	Нет	Нет	Нет	Да	Да	Да
14. Совместимость определения ситуации с научным знанием	Нет	Нет	Нет	Да	Да	Да

«Да» следует понимать как «эмпирически возможно в качестве устойчивого качества и/или санкционируемого идеала».

«Нет» следует понимать как «эмпирически возможно только в качестве неустойчивого качества и/или несанкционируемого идеала».

Имеется в виду, что попытки сделать качество устойчивым или принудить к его достижению посредством систематического управления поощрениями и наказаниями являются действиями, требуемыми для умножения аналитических безличных характеристик взаимодействия.

То, что эти предложения утверждают в отношении рациональностей по отдельности, равно справедливо и для любых их сочетаний.

Предположения двух установок

Установки повседневной жизни и научного теоретизирования⁸ были описаны Альфредом Шюцем⁹ в его исследованиях конститутивной феноменологии ситуаций здравого смысла¹⁰. Поскольку аргументы этой работы зависят от предположения, что эти установки не перетекают незаметно друг в друга, необходимо кратко сравнить их.

1) Шюц находит, что в повседневной ситуации «практический теоретик» достигает упорядочения событий, стараясь при этом сохранить и ввести предположение, что объекты внешнего мира таковы, какими они являются нам. Человек, занятый повседневными делами, ищет их интерпретацию, придерживаясь линии «официального нейтралитета» по отношению к интерпретационному правилу, допускающему сомнение, что объекты внешнего мира именно таковы, какими являются. Предположение действующего состоит в ожидании того, что существует взаимосвязь бесспорного соответствия между конкретными внешними проявлениями объекта и полагаемым-объектом-проявляющимся-в-определенном-виде. Из совокупности возможных взаимоотношений между действительными внешними проявлениями объекта и полагаемым объектом, как, например, взаимосвязь *сомнительного* соответствия между ними, человек ожидает, что предположенное бесспорное соответствие является общепризнанным. Он ожидает, что другой человек использует то же ожидание более или менее схожим образом, точно так же, как и он сам ожидает, что, эта взаимосвязь применима для другого человека, так и другой человек рассчитывает на такую применимость по отношению к нему.

В деятельности научного теоретизирования используется совершенно другое правило интерпретационной процедуры. Оно обеспечивает интерпретирование, одновременно удерживая позицию «официального нейтралитета» по отношению к *верованию*, что объекты внешнего мира таковы, какими являются. Действия повседневной жизни, конечно, позволяют действующему сомневаться, что объекты таковы, какими являются; но это сомнение в принципе ограничено «практическими соображениями» теоретика. Сомнение для практического теоретика ограничено его уважением к некоторым ценным, более или менее рутинным свойствам социального порядка, рассматриваемого «изнутри», которые он конкретно не ставит и не будет ставить под сомнение. Действия научного теоретизирования, напротив, управляются странным идеалом сомнения, который в принципе неограничен и который в частности не признает нормативных социальных структур как ограничивающих условий.

2) Шюц ссылается на второе предположение, как на практический интерес человека к событиям в мире. Релевантные свойства событий, выбираемых его интересом, несут для человека в качестве неизменного свойства тот факт, что они фактически и потенциально могут воздействовать на участвующего в них, и на них, в свою очередь, могут отразиться его действия. При таких свойствах событий точность упорядочения их может предположительно проверяться и быть доступной проверке без нарушения релевантности того, что он знает как

⁸ Чтобы избежать непонимания, я хочу подчеркнуть, что здесь речь идет об установке научного *теоретизирования*. Установка, которая направляет процесс научного исследования – это совсем другое дело.

⁹ Alfred Schutz, "The Stranger," *American Journal of Sociology*, Vol. 49, May, 1944; "The Problem of Rationality in the Social World," *Economica*, Vol. 10, May, 1943; "On Multiple Realities," *Philosophy u Phenomenological Research*, Vol. 4, June, 1945; "Choosing among Projects of Action," *Philosophy u Phenomenological Research*, Vol. 12, December, 1951; "Common Sense и Scientific Interpretation of Human Action," *Philosophy u Phenomenological Research*, Vol. 14, September, 1953.

¹⁰ В соответствии с программой, отношением и методом феноменологии Гуссерля он искал предположения и соответствующие свойства среды, подразумеваемые ими, которые были бы инвариантны по отношению к конкретному содержанию действий и их объектов. Список не является исчерпывающим. Дальнейшие исследования должны открыть другие. Как любой продукт наблюдения, они имеют временный статус, "пока не будет продемонстрировано обратное."

факт, предположение, догадку, фантазию и тому подобное благодаря своей телесной и социальной позиции в реальном мире. События, их взаимоотношения, их каузальная текстура не являются для него предметами теоретического интереса. Он не санкционирует мнение, что при работе с ними разумно было бы использовать правило интерпретации, что он ничего не знает, или может предположить, что ничего не знает, а «просто посмотреть, куда это ведет». В повседневной ситуации то, что он знает – это составная часть его социальной компетентности. Он предполагает, что то, что он знает и то, как он это знает, персонифицирует его как социальный объект как для себя самого, так и для других добросовестных членов группы. Он санкционирует свою компетентность как добросовестного члена группы в качестве условия уверенности в том, что его понимание смысла своих каждодневных дел является реалистичным.

В отличие от этого интерпретационные правила отношения научного теоретизирования работают так, что смысл и точность модели должны проверяться и определяться, не учитывая суждения о релевантности того, что знает теоретик благодаря своей материальной и социальной позиции в реальном мире.

3) Шюц описывает временную перспективу повседневной жизни. В своих повседневных действиях человек преобразует поток опыта во «временные интервалы». Он делает это, используя схему временных отношений, которую, как он полагает, используют он и другие лица эквивалентным и стандартизированным образом. Его разговор состоит для него не только из событий его опыта, но и из того, что было сказано или могло быть сказано в моменты времени, соответствующие указанным положениям часовых стрелок. «Смысл разговора» не только воспринимается через последовательность воспринятых смыслов его уже выполненной программы, но каждое «уже» направляется его ожиданиями. Далее, при каждом Здесь-и-теперь, а также при некоторой последовательности Здесь-и-теперь разговор имеет для него как ретроспективное, так и проспективное значение. Сюда входят ссылки Здесь-и-теперь на начала, длительность, темп, фазы и завершение. Такие определения «внутреннего времени» в потоке опыта скоординированы с социально употребимой схемой временных определений. Он использует схему стандартного времени в качестве средства планирования и координации своих действий с действиями других, для согласования своих интересов с интересами других и выравнивания темпов. Его интерес в стандартном времени направлен на проблемы, которые решают такие конкретные проблемы в планировании и координации взаимодействия. Он также предполагает, что схема стандартного времени является полностью общественным достоянием, некими «одними большими часами, одинаковыми для всех».

Существуют и другие, противоположные, способы временной разметки потока опыта, которые создают осмысленный набор событий во «внешнем мире». Когда человек занят научным теоретизированием, стандартное время используется как средство конструирования одного из альтернативных эмпирически возможных миров (предполагая, конечно, что теоретик заинтересован в фактах). Тем самым то, что из его интересов в освоении практических дел привело бы его к использованию времени для подстраивания его интересов к поведению других, то для его интересов в качестве социолога является «просто» средством для решения его научной проблемы, которая состоит в ясной формулировке программ скоординированных действий в духе отношений причины и следствия. Другое понимание времени имеет место при восприятии событий, изображенных «внутри театральной пьесы». Интересы в стандартном времени уходят в сторону как нерелевантные. Когда он думает о социальных структурах, изображенных в романе, например, *Этан Фром*, он позволяет судьбе любовников предшествовать и выступать условием для оценки последовательности шагов, которые привели к развязке.

4) Управляясь со своими повседневными делами, человек предполагает бытующую схему взаимодействия по-другому, нежели теоретик. Человек в повседневной жизни получает представление о смысле событий посредством использования заранее предполагаемого фона «естественных жизненных фактов», которые, с его точки зрения,

«Любой из Нас» обязан знать и доверять им. Использование таких естественных жизненных фактов является условием продолжения добросовестного членства в группе. Он полагает, что такой фон использует и он, и другие в виде морально довлеющих «правил кодирования». В понятиях этих правил он определяет правильное соответствие между конечным явлением объекта и предполагаемым-объектом-являющимся-определенным-образом.

Такое предположение об общем intersубъективном мире коммуникации поразительно меняется в деятельности научного теоретизирования. «Релевантные другие лица» для теоретика — это универсализированные «Все люди». Они в идеале – бестелесные руководства по правильным процедурам для определения восприимчивости, объективности и справедливости. Конкретные коллеги являются в лучшем случае простительно несовершенными примерами таких весьма абстрактных «компетентных исследователей». Теоретик обязан знать только то, чему он решил доверять. У него просто есть возможность верить результатам коллег на основании членства в профессиональном или каком-то другом сообществе. Если он отказывается кому-то в доверии, то ему позволяется оправдывать это, используя в качестве основания свою принадлежность сообществу «компетентных исследователей», являющихся анонимными по отношению к коллективному членству и чьи действия соответствуют нормам учебника процедур. Такие действия могли бы вызвать критику за неразумный ригоризм, но в повседневной жизни такого человека сочли бы большим, сумасшедшим или преступником.

(5) Человек принимает особую «форму социальности». Среди прочего эта форма состоит из предположения, что существует некоторое характерное несоответствие между «образом» себя, который он приписывает другим лицам как знание о нем, и знанием, которое он имеет о себе в «глазах» другого человека. Он принимает также, что изменения этого характерного несоответствия остаются под его автономным контролем. Это предположение используется в качестве правила, когда теоретик повседневной жизни группирует свой опыт по отношению к тому, что кому подходит. Это соответствует, тем самым, общему intersубъективному миру коммуникаций, чье неписаное знание в глазах его участника распределено среди людей в качестве оснований их действий, *то есть* их мотивов или, в радикальном смысле этого термина, их «интересов», как составляющих социальных взаимоотношений. Он принимает, что есть вещи, известные одному человеку, которые, как предполагает этот человек, неизвестны другим. Незнание одной стороны состоит в том, что другой знает то, что мотивационно релевантно первому. Тем самым вещи, известные обоим, как бы заполняются личной сдержанностью, вещами, которые выборочно утаиваются. Итак, события повседневных ситуаций заполняются этим всеобъемлющим фоном «смыслов, остающихся в резерве», вещей, известных о себе и других, которые никого другого не касаются – короче, частной жизнью.

Совсем другое предположение используется в правилах, которые управляют деятельностью научного теоретизирования. В социальном характере научного *теоретизирования* отсутствует несоответствие между общественной и частной жизнью в том, что касается решений относительно смысла и справедливости. Все вещи, релевантные его изображению возможного мира, являются публичными и обнародуются.

Существуют и дополнительные предположения, но для целей данной работы достаточно лишь установить факт различия между этими «установками».

Эти две совокупности предположений не переходят плавно друг в друга и не являются различимыми лишь по степени. Скорее переход от использования одной совокупности к использованию другой — от одной «установки» к другой — производит радикальное изменение в сценическом структурировании человеком событий и их взаимоотношений. В буквальном математическом смысле две установки создают логически несовместимые совокупности событий. Природа различия между системами событий, которые порождаются двумя совокупностями интерпретационных предположений, может быть проиллюстрирована сравнением событий, которые зритель видит на своем телевизионном экране, когда обращается к событиям «сюжета», с событиями,

наблюдаемыми, когда он следит за сценой, как за набором эффектов, созданных рядом профессиональных актеров, ведущих себя в соответствии с указаниями постановщика фильма. Было бы величайшим философским дидактизмом сказать, что зритель видел «различные аспекты того же самого», или что события сюжета – это «только лишь» некритически воспринятые события постановки.

Методология

Именно к научной рациональности как к характеристике «рационального выбора» обычно обращаются авторы, пишущие о социальной организации и принятии решений. Здесь предполагается, однако, что научная рациональность не является ни свойством, ни санкционируемым идеалом выбора, осуществляемого в делах, управляемых предположениями повседневной жизни. Если это так, то проблемы, встречаемые исследователями и теоретиками относительно концепций организационных целей, взаимодействия знания и незнания, трудностей работы с осмысленными сообщениями в математической теории коммуникации, аномалий, найденных в исследованиях по заключению пари, трудностей при рационализации представления о ненормальности в свете кросс-культурных материалов – все это трудности, созданные ими самими. Проблемы связаны не со сложностями предмета, но со стремлением понимать действия с научной точки зрения, а не рассматривать действительные проявления рациональности, демонстрируемые поведением людей в ходе управления своими практическими делами.

Шюц объясняет, что он имеет в виду, когда говорит, что действующий имеет рациональный выбор¹¹:

«Рациональный выбор присутствовал бы, если бы действующий имел достаточное знание о реализуемой конечной цели, а также различные средства для достижения успеха. Но этот постулат подразумевает:

1. Знание места реализуемой цели в рамках планов действующего (которые тоже должны быть ему известны).
2. Знание ее внутренних связей с другими целями и ее совместимость или несовместимость с ними.
3. Знание желаемых и нежелательных последствий, могущих возникнуть как побочные продукты реализации главной цели.
4. Знание различных цепочек средств, которые технически или даже онтологически пригодны для достижения этой цели независимо от того, контролирует ли участник все или несколько таких элементов.
5. Знание о взаимодействии таких средств с другими целями других цепочек средств, включая все их вторичные эффекты и побочные действия.
6. Знание о доступности этих средств для действующего, который выбирает средства, находящиеся в пределах его досягаемости и которые он способен и может запустить в работу.

Вышеуказанные моменты никоим образом не исчерпывают усложненный анализ, необходимый для того, чтобы остановиться на какой-то концепции рационального выбора в действии. Сложности значительно возрастают, когда рассматриваемое действие является социальным. В этом случае дополнительными детерминантами для произвола действующего становятся следующие элементы. Первое, правильная или ложная интерпретация его собственных действий окружающими. Второе, реакция других людей и их мотивация. Третье, все указанные элементы знания 1) - 6), которые действующий правильно или неправильно приписывает своим партнерам. Четвертое, все категории узнаваемости и незнакомости, интимности и анонимности, личности и типа, которые мы обнаружили в нашем описании организации социального мира. Но тогда, спрашивает Шюц, где находится

¹¹ Schutz, "The Problem of Rationality in the Social World," pp. 142-143.

система рационального выбора? «... концепция рациональности имеет свое законное место не на уровне повседневного понимания социального мира, но на теоретическом уровне научного наблюдения его, именно здесь она находит свое поле методологического приложения».

Шюц заключает, что она находится в логическом статусе, элементах и в применении модели, с помощью которой ученый принимает решения и использует эту концепцию как схему интерпретации событий поведения.

«Это не означает, что рационального выбора не существует в сфере повседневной жизни. Действительно, достаточно было бы интерпретировать термины "ясность" и "отчетливость" в модифицированном и ограниченном смысле, в частности, как ясность и отчетливость, адекватные требованиям практического интереса действующего. ... Я хочу подчеркнуть, что идеал рациональности не есть и не может быть *специфическим* свойством повседневной мысли, не может он, следовательно, быть и методологическим принципом интерпретации условий человеческого существования в повседневной жизни».

Реконструирование проблемы рациональности таким образом, чтобы вернуть ее исследователям, состоит в предложении, чтобы социологи прекратили рассматривать научную рациональность как методологическое правило для интерпретации человеческих действий.

Говоря процедурно, как будет действовать исследователь, когда он прекратит рассматривать научную рациональность как методологическое правило?

Нормы поведения

Когда вышеуказанные рациональные свойства действия понимаются как нормы правильного поведения, можно различать четыре значения таких норм.

Во-первых, нормы могут состоять из рациональных правил, которым привержены научные наблюдатели как идеальным нормам их действий в качестве ученых. Во-вторых, термин может относиться к формам рациональности как оперативным нормам реальной научной работы. Эмпирически две совокупности норм не демонстрируют соответствия пункт-в-пункт. Например, есть рутинизация постановки задачи и решения, а также доверие к другим исследователям, присутствующие в реальных исследовательских операциях, которые обычно игнорируются руководствами по методологии. В-третьих, термин может относиться к социально используемому и социально санкционируемому идеалу рациональности. Здесь делается ссылка на такие формы рациональности, как стандарты мысли и поведения, которые сохраняют уважение к рутинным порядкам действий повседневной жизни. К таким стандартам обращаются на обыденном языке как к «разумному» мышлению и поведению. В-четвертых, существуют формы рациональности как оперативные нормы реальных действий повседневной жизни.

Использовать формы рациональности как методологический принцип для интерпретации человеческих действий в повседневной жизни означает поступать следующим образом:

1) Идеальные характеристики, которым привержены научные наблюдатели как идеальным стандартам их исследовательского и теоретизирующего поведения, используются для создания модели человека, который действует так, как диктуют эти идеалы. Такой мысленной конструкцией является, например, игрок фон Наймана.¹²

2) После того, как реальное поведение описано, поведение сконструированного человека сравнивают с поведением реального. Затем задаются вопросы вроде следующих:

¹² Рассмотрим его характеристики. Он никогда не пропускает сообщение; он выбирает из сообщения всю содержащуюся информацию; он называет вещи правильно и вовремя; он никогда не забывает; он хранит и преобразует информацию без искажений; он никогда не действует по инерции, а только на основе оценки последствий линии поведения для задачи максимизации шансов достижения искомого эффекта.

каковы отклонения реального человека от модели? Какова эффективность средств, использованных реальным человеком, если смотреть на них с точки зрения более широких знаний наблюдателя, причем такое более широкое знание типизируется как «текущее состояние научной информации»? Какие ограничения существуют на использование норм технической эффективности при достижении конечных целей? Сколько и какого типа информации требуется для решений, основывающихся на рассмотрении всех научно релевантных параметров проблемы и сколько такой информации имел реальный человек?

Одним словом, модель предоставляет некий способ указать, как действовал бы человек, если бы он планировал свою деятельность, как идеальный ученый. Далее следует такой вопрос: чем объясняется тот факт, что реальные люди не соответствуют этой модели, даже как ученые, они соответствуют ей крайне редко? Суммируя, можно сказать, что модель такого рационального человека в качестве стандарта используется для обеспечения базиса иронического сравнения; отсюда получаются знакомые различия между рациональным, нерациональным, иррациональным и арациональным поведением¹³.

Но эта модель — лишь одна из неограниченного числа моделей, которые могут быть использованы. Что еще важнее, *ее использование не вызвано никакой необходимостью*. Конечно, *модель* рациональности необходима, но только для задачи определения правдоподобного знания и *только потом оно неизбежно для научного теоретизирования*. Она не является необходимой и ее можно не использовать в действиях теоретизирования, используемых для понимания дел в повседневной жизни.

Она необходима для научного теоретизирования, но не из-за некой онтологической характеристики событий, которую ученые стремятся понять и описать.

Она необходима потому, что правила, которые используются как верные основания для дальнейшего заключения (*то есть* само определение правдоподобного знания), описывают такие санкционируемые процедуры, как, например, запрещение двум несовместимым или противоречивым утверждениям быть использованными вместе в качестве законных оснований при выводе другого предложения. Поскольку определение правдоподобного знания, научного или иного, состоит из правил, которые управляют использованием утверждений в качестве оснований дальнейшего заключения и действия, необходимость модели обеспечивается, в первую очередь, решением действовать в соответствии с этими правилами¹⁴. Модель рациональности для научного теоретизирования буквально состоит из того теоретического идеала, что смысл этих правил может быть ясно объяснен.

Это — следствие того факта, что действия исследования и интерпретации управляются необычными для здравого смысла правилами научных действий — решение использовать предложение как основания для дальнейшего заключения меняется независимо от того, может или нет использующий его ожидать *социальной* поддержки в связи с его использованием. Но в действиях, управляемых предположениями повседневной жизни, основа правдоподобного знания не подвержена таким жестким ограничениям, касающимся использования утверждений в качестве законных оснований для дальнейшего заключения и действия. В рамках правил релевантности повседневной жизни правильно использованное предложение — это такое, при исполнении которого действующий ожидает социальной поддержки, с помощью которой он предоставляет другим доказательство своей благонадежности.

¹³ Vilfredo Pareto, *The Mind and Society*, ed. Arthur Livingston (New York: Harcourt Brace & World, Inc., 1935), особенно Vol. I. Marion J. Levy, Jr., *The Structure of Society* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1952).

¹⁴ Kaufmann, *op. cit.*, pp. 48-66.

Рациональности как данные

Нет никакой необходимости в том, чтобы определение рационального действия конструировалось с целью понять поле наблюдаемых событий поведения. Этот результат имеет важное и парадоксальное следствие, позволяющее нам изучать свойства рационального действия более пристально, чем когда-либо ранее¹⁵. Вместо того, чтобы использовать представление об идеальном ученом и благодаря этому создавать описательные категории поведения — а рациональное, нерациональное, иррациональное и арациональное поведение являются именно такими категориями — рациональные характеристики действий могут быть направлены лишь на эмпирическую задачу их описания, поскольку они находятся отдельно в вышеприведенном списке форм рациональности или в кластерах этих характеристик. Потом можно обратиться к условиям действий человека и к его характерным взаимоотношениям к другим, как к факторам, которые могут объяснять присутствие этих форм рациональностей, но без иронического сравнения.

Вместо того, чтобы рассматривать свойства рациональности как методологический принцип для интерпретаций деятельности, их следует рассматривать только как эмпирический, проблематичный материал. У них будет только статус данных, их придется объяснять так же, как и более знакомые свойства поведения. Мы можем спросить, какие свойства распределения статусов определяют степень рациональности действий участников так же, как мы могли бы спросить, какие свойства распределения статусов релевантны по отношению к примеру состязательного поведения или организованного несогласия, поиска козлов отпущения, шансам трудовой мобильности или чего угодно. Затем потребуются ответы на такие, например, вопросы, как: почему рациональность научного теоретизирования разрывает непрерывность действия, управляемого установкой повседневной жизни? Что есть такого в социальном устройстве, что не дает преобразовать эти «отношения» одно в другое без серьезных нарушений непрерывной деятельности, управляемой каждым? Каковы должны быть социальные порядки, чтобы большее число людей, как мы знаем их в нашем обществе сегодня, смогло бы не только принять без затруднений научное отношение к миру, но оказались бы, благодаря успешному его использованию, более жизнеспособными по сравнению с теми, для кого такое отношение является чуждым, а нередко и отталкивающим? Одним словом, рациональные свойства поведения могут быть изъяты социологами из сферы философских комментариев и переданы эмпирическому исследованию.

Можно сформулировать общее правило, которое вбирает в себя бесчисленные исследовательские проблемы: *любой фактор, который мы считаем зависящим от любого из свойств деятельности, является фактором, который зависит от рациональности.* Это правило заявляет, что такие факторы, как территориальная структура, число лиц в сети, уровень оборота, правила о том, кто с кем может взаимодействовать, зависящие от времени свойства сообщений, распределения информации, а также операции для изменения таких распределений, число и местоположение пунктов «преобразования» информации, свойства правил и языков кодирования, стабильность социальных рутин, структурный или *ad hoc* пример напряжения в системе, свойства структур престижа и власти и так далее должны рассматриваться как определяющие **рациональных свойств** действий, которые **управляются** установкой повседневной жизни.

¹⁵ Именно из-за отсутствия "научной рациональности" в действиях, составляющих рутинные социальные структуры, само рациональное действие становится проблематичным, как это и подразумевалось в забытом различении Макса Вебера формальной и субстанциональной рациональности.

Заключение

Целью данной работы было предложить гипотезу о том, что формы научной рациональности неэффективны в действиях, управляемых предположениями повседневной жизни. Формы научной рациональности не являются ни стабильными свойствами, ни санкционируемыми идеалами повседневных рутин, и любая попытка стабилизировать эти свойства или добиться соответствия с ними в повседневном поведении только увеличивает бессмысленный характер поведенческой среды человека и умножает дезорганизацию системы взаимодействия.

Перевод с английского Турчаниновой Ю.И., Гусинского Э.Н.